

УДК 881.161.1

UDC 881.161.1

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕРОИНЬ Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ: ЖЕНЩИНА КАК ПЕРСОНИФИКАЦИЯ «ЗЕМЛЯНОЙ МАТЕРИ»**IDENTIFICATION OF HEROINES OF L.S. PETRUSHEVSKAYA: FEMALE AS PERSONIFICATION OF "MOTHER-EARTH"**

Черкашина Светлана Павловна

Cherkashina Svetlana Pavlovna

Старший преподаватель

Senior lecturer

*Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия**Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia*г. Ставрополь, ул. Серова, 468/2, кв.32
svechka8@mail.ruStavropol, Serov street, 468/2, f.32
svechka8@mail.ru

В статье рассматриваются особенности образостроения в творчестве Л.С. Петрушевской с позиции концепции архетипов К.Г. Юнга. Выявляется связь женских образов писательницы с их мифологическим праобразом – Богиней-матерью в аспекте Матери-Земли, или «земляной матери»

The specialties of character creating in oeuvre of L.S.Petrushevskaya are examined in the article from the position of archetypal concept of K.G.Jung. There is also an identified connection of female characters of the writer with their mythological foretype – Mother-Goddess in aspect of "Mother-Earth"

Ключевые слова: МИФОПОЭТИКА, АРХАИЧЕСКИЙ МИФ, АРХЕТИП, БОГИНЯ-МАТЬ

Keywords: MYTHOPOETRY, ARCHAIC MYTH, ARCHETYPE, MOTHER-GODDESS

Пронизанность мифом всего художественного творчества человечества способствовала рождению концепции мифопоэтической сущности искусства. Миф, являясь «плодом эмоций», представляет результат вымысла «бессознательного» [5, с. 108, 100]. Структуру коллективного бессознательного К.Г. Юнг обозначил как *архетип*. В своих работах психоаналитик даёт ему разные определения, однако общим ядром этих дефиниций является толкование архетипа как первичной матрицы, содержащей общие надличностные, а следовательно, свойственные всему человечеству схемы памяти, аккумулирующие информацию о Человеке и Бытии и передающие её потомкам независимо от воли носителя. В качестве главных психоаналитик выделяет архетипы «тени», «дитяти», «Великой матери», «anima/animus», «мудрых старика/старухи», «самость/персона».

На каждом этапе жизни человека осуществляется преодоление этих архетипов: негативной стороны личности («тень»), ассимиляция второй

половины души (соответственно *anima* для мужчины и *animus* для женщины), понимание своего места в жизни (архетип «мудрого/мудрой старика/старухи»), достижение абсолютной гармонии (архетип «самости»). Движение по архетипической парадигме – от архетипа «тени» к архетипу «самости» – К.Г. Юнг обозначил как *индивидуацию*, которая является процессом «естественно необходимым» [12, с. 169]. Поэтому этапы становления личности являются неизменными с архаических времён до наших дней. Таким образом, индивидуация – процесс становления личностного самосознания, динамика движения от коллективного бессознательного к индивидуальному осмысленному существованию.

Сам же К.Г. Юнг и стал первым, кто адаптировал термин *архетип* к художественному творчеству, связь которого с аналитической психологией объяснил тем, что предначальное архетипическое ядро обуславливает определённое родство художественных мотивов, образов, сюжетных линий.

По мнению ставропольского литературоведа Я.В. Погребной, теория последовательно выстроенных архетипов К.Г. Юнга «абсолютно закономерно» воплощает «*универсальную историю героя*» (курсив наш. – С.Ч.) [7, с. 242]. Такая установка объясняется всеобщей подчинённостью архетипам, выделенных психоаналитиком из мифологического материала, содержащего, по Гринцеру, «модели поведения», которым следовал как человек архаической эпохи, мифотворец, так следует и современный. В преодолении архетипических ступеней содержится идея этапности прохождения жизненного пути, что, в свою очередь, позволяет проецировать теорию Юнга на человека XX-XXI веков. Что же касается литературного произведения, то исследование человека как главного предмета словесного творчества в рамках такой сопредельной литературе области, как психология, будет способствовать выявлению новых граней в художественных образах, фиксировать их многослойность и сложность,

даст возможность отметить непреходящие по этической и эстетической ценности категории.

Исследование мифопоэтического аспекта творчества современной российской писательницы Л.С. Петрушевской в данной статье основывается на концепции, выдвинутой Я.В. Погребной, в которой предложены и описаны три типа существования архаического мифа в литературе XX-XXI веков.

Определяющим является тип, который обнаруживается в *сотворении* художником *индивидуальной мифологии*. Ориентируясь на сферу бессознательного и говоря языком архетипов, писатель воплощает в своих художественных произведениях особенности современной действительности, из которых эксплицируется смысловой пласт, соответствующий исходному моменту мифологической архаики. Как на мифопорождающие автор ориентируется на модели мифологических «биографий», позволяющие выстроить судьбу героя в строгой последовательности, или концепцию индивидуации К.Г. Юнга.

Большинство произведений Л.С. Петрушевской далеки от прямого сопряжения с мифологическими текстами, что в рамках теории мифопоэтики, предложенной Я.В. Погребной, позволяет рассматривать судьбу героинь писательницы в аспекте теории индивидуации личности, созданной К.Г. Юнгом. Так реализуются мифологические схемы и образы, соотносимые не с конкретным архаическим пратекстом, «а с некоторым условным постюнгианским мифом – вместилищем архетипов» [7, с. 241-242].

При изучении мифопоэтики Л.С. Петрушевской важно выявить особенности её авторской индивидуальной мифологии. При этом путь от современности к эпохе мифотворения кажется обоснованным, так как позволяет идти от художественного текста к мифу, что в свою очередь, с учётом ценностного аспекта и константности архетипа как некоего

культурного звена, даст возможность увидеть связь настоящего и прошлого.

В проекции архетипической теории интересны женские образы, представленные писательницей в рассказах «Через поля», «Тёща Эдипа» и быличках «Фонарик» и «Материнский привет». Тексты заявленных произведений в рамках мифопоэтики критиками не рассматривались, представленное исследование будет первым. В связи этим определяется цель статьи – проанализировать особенности образостроения писательницы в рамках теории Я.В. Погребной. Задачи исследования состоят в следующем:

- 1) эксплицировать в женских образах указанных произведений архетипическую составляющую;
- 2) показать ориентированность авторско-индивидуальных художественных образов Л.Петрушевской на мифологические прототипы.

Рассмотрим составляющую архетипов «персона-самость» в женских образах писательницы. «Персона» и «самость» – архетипы, имеющие противоречивое содержание, когда «самость» понимается как индивидуальное, внутреннее начало, а «персона» – «обращённое вовне, в социальную среду» [7, с. 329].

Героини Л.С. Петрушевской, наши современницы, живут обычной жизнью, что вычитывается как проявление «персоны»: «Она держалась так прекрасно, что по ней было незаметно, что она живёт общей для всех женщин жизнью – то есть стирает, убирает, готовит, ходит по магазинам, управляется с ребёнком и ещё каким-то образом живёт в одной комнате с родителями мужа» («Стена») [6, с. 138-39]. Главное в представленном фрагменте – детерминированность женской судьбы, обусловленная историческим отрезком.

Однако архетип «персона» является «камуфляжем, который позволяет показать другим только то, что хотим мы сами, и не больше...» [11, с. 100].

Анализ в героинях Л.С. Петрушевской качеств внутренней личности («самость») позволит выявить мифологическую реализацию архетипа Великой Матери – мифологему Богини-матери в аспекте Матери-Земли.

Уподобление женщины земле имеет более чем древние корни. Историк Б.А. Рыбаков относит время возвышения культа женщины к IV тысячелетию до нашей эры, когда индоевропейская общность народов перешла к земледелию. «Земля, почва, нива, вспаханное поле были уподоблены женщине, понесшей в чреве своём. Если сущность мировоззрения первобытного земледельца выразить простейшей формулой *зерно + земля + дождь = урожаю*, то <...> мы найдём отражение всех звеньев этой формулы, выраженных посредством женской фигуры. Земля, почва, вспаханное поле были уподоблены женщине; засеянная нива, земля с зерном – женщине, "понесшей во чреве своём". Рождение из зерна новых колосьев уподоблено рождению ребёнка. Женщина и земля сопоставлены и уравнены на основе древней идеи плодovitости, плодородия (курсив Рыбакова. – С.Ч.)» [9, с. 178].

Рождение детей стало уже не столь обременительным, как в охотничьем обществе, а при отлаженном земледельческом хозяйстве существовала постоянная потребность в рабочих руках. Рождение детей стало приветствоваться, что проявилось в свадебных обрядах, когда молодых посеяли зерном нового урожая, желая им, таким образом, благополучия и потомства. «Женщина уподоблена земле, рождение ребёнка уподоблено рождению нового зерна, колоса. В этом слиянии аграрного и женственного начал сказывается не только внешнее уподобление по сходству сущности жизненных явлений, но и стремление слить в одних и тех же заклинаниях и благопожеланиях счастье новой семьи, рождение новых людей и урожайность полей, обеспечивающую это будущее счастье» [9, с. 42]. Это время характеризуется изготовлением фигурок женщин с татуировкой следующего вида: посередине живота –

косо поставленный квадрат, разделенный на четыре части с точкой-семенем в каждом [9, с. 179]. В сложном земледельческом менталитете рождался новый взгляд на женщину и вызревал образ Богини-матери. Позднее культ женщины, зародившийся в эту эпоху, приобрёл вполне выраженное оформление и законченность, просуществовавшие достаточно долгое время. На стадии земледельческого мышления древние люди считали Богиню покровительницей урожая и итогов хозяйственного года. У славян это была Макошь, в греческой мифологии – Гея, Рея, Деметра, иногда Артемида, Афродита и даже Афина; в ассиро-вавилонской – Иштар; в Малой Азии – Кибела; в Египте – Исида. «Все это многообразие имён свидетельствует не столько о различии представлений, сколько о повсеместности их, о втягивании локальных божеств в создание образа Великой Матери» [9, с. 367].

О параллелизме образов женщины и поля говорят и литературоведы. П.А. Гринцер, анализируя схему «биографии» мифологического персонажа, замечает, что часто основой становились «календарные мифы», а также «мифы об умирающем и воскресающем боге растительности» [4, с. 169]. В образе Ситы из «Рамаяны» учёному видится «земледельческая символика», «в "Ригведе" под именем Ситы читается богиня пашни» [4, с. 171]. Как точно заметил Я. Гримм, «почти все (...) божества выступают как порождения (...) одного-единственного: (...) *богини* – в качестве *земли*, (...) как *матери*, (...) давая пищу, прядя, обрабатывая поле, прекрасные в убранствах, любящие (курсив наш. – С.Ч.)» [3, с. 59]. Ценность этих представлений в том, что они «не исчезают и в современном (...) обществе», – констатирует П. Арискин, анализируя теорию партипации Л. Леви-Брюля [1, с. 578]. Далее исследователь добавляет: «Предмет может быть самим собой и одновременно чем-то иным» [1, с. 578]. По мнению Я.В. Погребной, партипационное мышление «базируется на метонимии», и

в литературе современные персонажи являются метонимией «персонажей архаического мифа» [8, с. 68].

В связи с поставленной целью рассмотрим в женских образах Л. Петрушевской архетипическую составляющую «самости».

В рассказе «Через поля» юноша и девушка идут домой через поле: «...Когда-то мы с ним один-единственный раз в жизни ехали вместе <...>; идти надо было <...> по голому полю, <...>, мы <...> не решались выйти на открытое пространство, такая гроза...» [6, с. 155]. Уже потом героиня поймёт, что ей «повезло встретить на жизненном пути очень хорошего и верного человека, сокровища его души вкупе с каплей под носом трогали меня до слёз, я была растеряна, не знала, что делать» [6, с. 157]. К горькому выводу приходит она, понимая, что «грелась душой после долгого и трудного жизненного пути, сознавая, что завтра <...> меня оторвут от тепла и света и швырнут *опять одну идти* по глинистому полю, под дождём, и это и есть жизнь, и надо укрепиться, <...> потому что человек светит только одному человеку один раз в жизни, и это всё (курсив наш. – С.Ч.)» [6, с. 157]. Поле и грязь, по которому идут герои, предстают метафорой «долгого и трудного жизненного пути» [6, с. 157]. Но путь по полю вычитывается и как свадебные испытания. Полюбив, героиня, тем не менее, отказывается от своих желаний, надев маску безразличия («персона»): «За столом он <...> взглядывал в мою сторону... Я знала, что всё это не моё и никогда не будет моё» [6, с. 157].

Образ *поля* актуализирует мифологический образ Матери-Земли, метафорическим воплощением брачного союза которой с мужем-небом был дождь. Отношения героев складываются на фоне сильнейшей грозы («молнии били в глинистую почву дороги», «ливень и молнии», «молнии, выскакивая то рядом, то подальше», «мы почему-то побрели под дождем по глине» [6, с. 155, 156]), что в мифопоэтическом аспекте выступает проекцией свадебного обряда между людьми. Развитие отношений

героини и Вовика на фоне сказочно-мифологического брака неба и земли позволяет отождествлять героиню с землёй и её ассоциатом в рассказе – полем. Имя героя Вовик-Владимир («владеющий миром» [10, с. 82]) также соотносится с территорией и, следовательно, землёй. Героиня идентифицируется посредством психологического параллелизма с «земляной матерью». «Моя голова, чисто вымытые и завитые волосы, накрашенные ресницы – всё пошло прахом, всё, моё легкое платье и сумочка, <...> – вообще всё» [6, с. 156] – внешнее проявление архетипа «персона» смывается дождём (ритуальное очищение), и героиня рассказа «Через поля» предстаёт в своём естестве («самость») – быть землёй. Мир людей и мир природы взаимно отражают друг друга, что придаёт философское наполнение создаваемой в рассказе картине мира, в которой брак земли и неба предстаёт извечной природной идиллией. Человек тесно связан с природой, которая создаёт повествованию фон, архетипически действуя на подсознание читателя. Однако в рассказе идея плодородия разрушена течением жизни: несмотря на взаимную симпатию, герои рассказа расстанутся, а Л.С. Петрушевская, художественно осмысляя эту ситуацию, пытается понять, что нарушено в мире людей, если они отказываются от любви.

В быличке «Фонарик» заблудившейся девушке помогает умершая бабушка Поля. «Идти по полю было нетяжело» и нестрашно, потому что девушка шла на свет фонарика. По дороге она начинает вспоминать свою бабушку Полю и её рассказы о том, как «замерзали на снегу усталые люди, которые хотели отдохнуть» [6, с. 360]. Образ бабушки выстроен по схеме архетипа «мудрая старуха»: «Бабушка Поля умерла не так давно, она растила свою внучку от рождения и всё время с ней разговаривала» [6, с. 360], стремясь, видимо, передать девочке свой опыт и знания. В темноте героиня заходит на территорию кладбища и понимает, «что фонарик теперь светит на могилке бабушки Поли» [6, с. 360]. Вернувшейся домой девушке

мама говорит, что они с отцом подумали, будто «бабушка Поля позвала тебя к себе», на что девушка отвечает: «Я была около неё. Баба Поля позвала меня» [6, с. 362]. Но позвала не с целью забрать в свой потусторонний мир, а с целью спасти от взрыва газопровода, проложенного в земле. В быличке интересен именно образ загробного помощника – бабушки Поли, которая и из могилы помогает внучке, идущей по полю, когда в газопроводе происходит взрыв. В корнях лексем *поле* (*земля*) – *Поля* содержится ассоциация с полем (и землёй), что подтверждается и анализом имени Поля. Поля в значении «Пелагея» образовано от *пеллагос*, эпитета Афродиты [10, 352, 350], в мифах о которой актуализируется её хтоническое происхождение, поэтому Афродита воспринималась и как богиня плодородия. Таким образом, образ бабушки Поли соотносится с землёй не только через имя, но и через ассоциаты земли – поле и могилу.

В быличке «Материнский привет» рядом с братом появляется сестра, которая «никогда раньше его не любила» [6, с. 342]. Она стала помогать отсидевшему брату деньгами, продуктами, одним словом, «взяла всё дела в свои руки» [6, с. 342]. Со временем сестра перестала приходить, жизнь молодого человека пошла своим чередом. Когда уже его жена предложила пойти на кладбище к матери, то они увидели рядом две могилы – мамы и той сестры, что в юности помогла молодому человеку. В этом произведении сестра предстаёт субститутом «земляной матери», а её действительная близость к матери и земле усиливает эти качества настолько, что героиня может физически преодолеть границу миров. Как пишет П.А. Гринцер, в древнеиндийском эпосе «Рамаяна» Сита появляется на свет из борозды на поле <...>, а в заключение эпоса она вновь скрывается в земле, попадая в объятия своей матери – богини земли» [4, с. 172]. В фокусе теории двойничества Ю.М. Лотмана все женские персонажи в этой быличке можно свести к одному: жена ведёт мужа на могилу матери, сестра похоронена рядом с матерью, могила – местопребывание «земляной матери». Парадигма

жена – мать – сестра актуализирует образ Матери-Земли, мифологическую персонификацию архетипа Великой Матери.

В рассказе «Тёща Эдипа» баба Онька выбегает на поле, ложится, поёт и плачет: «Ой мамынька, ой возьми меня к себе (пунктуация Л. Петрушевской. –С.Ч.)» [6, с. 419].

Так, в произведениях писательницы «Через поля», «Материнский привет», «Тёща Эдипа», «Фонарик» проактуализирована метонимия *женщина – поле*, которую Р. Грейвс называет «естественной аналогией», потому что в древности женщина осмыслялась как «поле» [2, с. 12].

Подводя итоги, нужно отметить, что противоречивость архетипов «персона-самость» у героинь Л. Петрушевской не выражена. Внешне они представляют социальный идеал «персоны»: обычные люди, которые хотят дожить до полочки, «жить с детьми, возиться с кашами, детскими садами» («Свой круг»), болеют, бывают несчастными и т. д. Но анализ женских образов в рамках теории архетипов позволил выявить в них имплицитную составляющую «самости» (мифологема Богини-матери в аспекте Матери-Земли), благодаря чему женские образы писательницы усложнились новым вариантом воплощения: *героиня Л.С. Петрушевской – Мать-Земля*. «Раскодирование» данной мифологемы, имеющей культурно-историческое происхождение, даёт возможность выявить в образе современной женщины скрытое значение: её прародительницей была Богиня-мать, потенциал которой не будет исчерпан никогда. Здесь можно говорить о коммуникативной функции архетипов, позволяющей реконструировать диалог двух эпох – мифотворящей и рецитирующей миф.

Литература

1. Арискин, П. Люсьен Леви-Брюль и проблема исторического развития // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.– М.: Педагогика-Пресс, 1999. – С. 575-586.

2. Грейвс Р. Мамона и Чёрная Богиня. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2010. – 160 с.
3. Гримм Я. Немецкая мифология // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 54-71.
4. Гринцер П.А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. – М., 1971. – С. 134-206.
5. Кассирер Э. Миф и религия // Философские науки. – М., 1991. – № 7. – С. 97-134.
6. Петрушевская Л.С. Тайна дома: повести и рассказы. – М.: СП «Квадрат», 1995. – 511 с.
7. Погребная Я.В. Неомифологизм В.В. Набокова: способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения: монография. – Ставрополь: ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2006. – 520 с.
8. Погребная Я.В. Аспекты современной мифопоэтики. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 178 с.
9. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1994. – 608 с.
10. Суперанская А.В. Словарь личных русских имён. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 448 с.
11. Эстес К.П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях. – М.: София, 2006. – 496 с.
12. Юнг К.Г. Аналитическая психология // Основные направления и тенденции в развитии зарубежной психологии в 30-60-е гг. XX в. – СПб., 1986. – С. 142-170.

References

1. Ariskin, P. Ljus'en Levi-Brjul' i problema istoricheskogo razvitija // Levi-Brjul' L. Sverh#estestvennoe v pervobytnom myshlenii.– М.: Pedagogika-Press, 1999. – S. 575-586.
2. Grejvs R. Mamona i Chjornaja Boginja. – Ekaterinburg: U-Faktorija; М.: AST, 2010. – 160 s.
3. Grimm Ja. Nemeckaja mifologija // Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX-XX vv. Traktaty, stat'i, jesse. – М.: Izd-vo MGU, 1987. – S. 54-71.
4. Grincer P.A. Jepos drevnego mira // Tipologija i vzaimosvjazi literatur Drevnego mira. – М., 1971. – S. 134-206.
5. Kassirer Je. Mif i religija // Filosofskie nauki. – М., 1991. – № 7. – S. 97-134.
6. Petrushevskaja L.S. Tajna doma: povesti i rassказы. – М.: SP «Kvadrat», 1995. – 511 s.
7. Pogrebnaja Ja.V. Neomifologizm V.V. Nabokova: sposoby literaturovedcheskoj identifikacii osobennostej hudozhestvennogo voploshhenija: monografija. – Stavropol': GOU VPO «SevKavGTU», 2006. – 520 s.
8. Pogrebnaja Ja.V. Aspekty sovremennoj mifopojetiki. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2012. – 178 s.
9. Rybakov B.A. Jazychestvo drevnih slavjan. – М.: Nauka, 1994. – 608 s.
10. Superanskaja A.V. Slovar' lichnyh russkih imjon. – М.: Izd-vo Jeksmo, 2005. – 448 s.
11. Jestes K.P. Begushhaja s volkami: Zhenskij arhetip v mifah i skazanijah. – М.: Sofija, 2006. – 496 s.
12. Jung K.G. Analiticheskaja psihologija // Osnovnye napravlenija i tendencii v razvitii zarubezhnoj psihologii v 30-60-e gg. HH v. – SPb., 1986. – S. 142-170.